

Мин Батянь в прошлом был не последним человеком в императорской гвардии, а потому сумел устоять перед привычно холодным, давящим присутствием Линху Фэна, который даже в полудреме источал ауру отчужденности. Правда, лицо его, обычно простоватое и добродушное, окаменело еще сильнее, и это заставило Линху Фэна взглянуть на него с долей уважения: надо же, притворяться простаком с таким мастерством — это почти так же эффектно, как его собственная ледяная невозмутимость!

Хотя господин Чжао был лишь незначительной фигурой в жизни главного героя, он сыграл в ней роковую роль. Можно сказать, что тень этого человека лежала на большей части страданий героя.

Когда Лоу Цинъюй выходила замуж, он узнал об этом заранее и тут же сбежал из города, приказав никому в семье не упоминать об этом при старушке.

Когда Лоу Цинкун впервые попытался сбежать из-под стражи Мин Мэн, он заметил дядю в дверях переулочка. Не заботясь о том, что его обнаружат, он бросился к нему, умоляя о помощи. Но тот даже не взглянул в его сторону. Услышав крик, он, не сбавляя шага, продолжил беседу с важным клиентом и, не привлекая внимания, завел группу людей в соседний элитный бордель. Лоу Цинкун, застыв у входа, своими глазами видел, как дядя поднимается по лестнице, а вскоре его снова схватили.

После того как Лоу Цинкун сорвался со скалы, старушка настаивала на поисках, но он так и не отправил людей к месту падения. А ведь в долину под обрывом, пусть туда и вел лишь извилистый карстовый туннель с ручьем, можно было попасть. Если бы он поспрашивал в окрестных деревнях, то наверняка нашел бы зацепки: А Цзю каждый месяц закупал там припасы у проверенных фермеров.

Более того, именно он намеренно или случайно проболтался о сокровищах Чжао и о том, что мать Лоу Цинкуна была принцессой этого государства. Это разожгло аппетиты всех проходимцев в мире боевых искусств, а главный злодей, мечтавший захватить власть и самому взойти на трон, начал плести бесконечные интриги. Известие о сокровищах и о том, что Лоу Цинкун — последний отпрыск династии Чжао, вызвало подозрения у императора Великой Янь. В конечном счете Лоу Цинкуну пришлось сдать сокровища, жениться на принцессе и уйти в затворничество, чтобы положить этому конец.

И при всем этом господин Чжао, стоявший за всеми бедами, носил маску простодушного и честного человека. Он был немногословен, а говорил всегда так уверенно, что все считали его действия случайными. В конце концов, он даже рыдал перед главным героем, клянясь, что терзается совестью и готов покончить с собой, чтобы искупить вину. Разумеется, это тронуло до слез возлюбленного героя, и тот, не желая продолжать споры, оставил его в покое.

Возможно, герой знал правду, но семья Чжао действительно когда-то помогла государству, да и старая госпожа Чжао относилась к нему с добротой, поэтому он предпочел забыть старые обиды. Иначе разве мог бы такой умный, решительный и хладнокровный герой поверить словам этого фальшивого дядюшки?

Линху Фэн проглотил крепкий чай, и сознание наконец прояснилось, хотя голова все еще гудела — последствия долгого сна.

Ох, как же раздражает эта головная боль, даже аппетита нет. А ведь еще нужно идти на ужин, какая морока...

Когда Лоу Цинкун вернулся, он принес наставнику знаменитые каштановые пирожные из Южного города. Теперь он привык, где бы ни оказался, покупать для учителя лучшие лакомства — это было так же естественно, как для родителей приносить подарки детям. И самое удивительное, что оба они этого не замечали, находя в таких мелочах искреннюю радость.

Господин Чжао прождал полдня, но, услышав лишь холодное приглашение сесть и выпить чаю, понял, что продолжать разговор не стоит, и послушно пил чай, стараясь не привлекать внимания.

Он выпил уже пять чашек. Маленькая служанка, молча подливавшая чай, не удержалась и несколько раз бросила на него озадаченный взгляд, а потом с таким выражением лица, будто хотела сказать: «Надо же, бывают же люди, которые пытаются выпить чая на всю стоимость», — снова наполнила его чашку.

Как раз когда господин Чжао, набравшись храбрости, собрался что-то сказать, в дверях гостиной появилась Лоу Цинъюй, которая вела за собой своего непутевого племянника. Тот, едва вернувшись, свалил груду продуктов на кухне и теперь с радостью собирался показать тете «главную базу по завоеванию сердца красавца-наставника».

Лоу Цинъюй очень хотела поскорее увидеть возлюбленного своего брата. Когда она составляла список подарков и спросила о предпочтениях учителя, Лоу Цинкун со смехом ответил, что достаточно будет просто вкусной еды. Тогда Лоу Цинъюй удивилась: почему и у брата, и у его наставника такие пристрастия? Может, возлюбленная брата — дочь этого самого наставника? Схожие вкусы отца и дочери были бы вполне логичны.

Но, переступив порог гостиной и увидев молодого человека в белом, чья грация напоминала небожителя, Лоу Цинъюй вздрогнула. Она инстинктивно оглянулась на брата, и ее догадка подтвердилась.

Ее брат подошел к юноше в белом, поклонился с искренним почтением, как подобает ученику, но в его глазах, когда он смотрел на невозмутимого наставника, читалась нескрываемая нежность.

Подавив волнение, Лоу Цинъюй с сияющей улыбкой подошла ближе и поклонилась:

— Благодарю вас за спасение моего брата и за то, что согласились обучать его боевым искусствам. Даже не знаю, как вас отблагодарить.

Говоря это, она открыто рассматривала сидящего перед ней человека.

Его черты лица были безупречны: тонкие, мягкие линии, высокий лоб, прямой нос и нежно-розовые губы. Выражение лица было холодным, а взгляд — далеким, словно ничто в этом мире не могло отразиться в его глубоких, как холодное озеро, глазах. Но стоило ему прищуриться, как эти глаза, по форме напоминавшие персиковые лепестки, начинали источать такую притягательную нежность, что даже под воздействием исходящего от него холода невозможно было не мечтать о том, чтобы увидеть в них свое отражение.

Юноша в белом слегка повернул голову, прикрыв рукавом губы, и на мгновение его взгляд затуманился, а уголки глаз порозовели. Вероятно, сочтя это невежливым, он бросил на нее мимолетный косой взгляд. В этот миг холодная маска на мгновение дрогнула, и промелькнувшее очарование заставило даже Лоу Цинъюй на миг потерять самообладание.

— Наставник, выпейте чаю, — низкий, полный заботы голос брата вернул ее к реальности. Она увидела, как Лоу Цинкун подошел, проверил температуру чашки рядом с Линху Фэном, жестом подозвал служанку, чтобы та принесла горячий чай, и с нетерпением протянул его учителю.

Линху Фэн, который в этот момент не сдержался и зевнул, почувствовал неловкость. Родственники ученика впервые в гостях, а он ведет себя так... не слишком подобающе для наставника.

Он слегка кашлянул, чтобы прийти в себя, сделал глоток и так же естественно вернул чашку обратно. Лоу Цинкун поставил ее на столик, сложил руки и отступил на два шага, оставаясь рядом, чтобы в любой момент удовлетворить любую потребность учителя.

Лоу Цинъюй прищурилась, глядя на руки брата, сцепленные за спиной. Только что он потер ладонь о ладонь. Движение было едва уловимым и естественным — обычный человек и не заметил бы, но Лоу Цинъюй, терзаемая страшными подозрениями, уловила перемену в его взгляде...

Если память ее не подводит, учитель только что дважды случайно коснулся ладони ее брата...

Лоу Цинъюй была готова схватиться за голову. Мало того, что возлюбленный ее брата — мужчина, так он еще и его учитель! Но любой проницательный человек сразу поймет: сейчас ее брат в одиночку тайно страдает от безответной любви!

Она посмотрела на юношу в белом, который начал вежливую беседу с ее дядей. Его глаза оставались равнодушными, голос звучал холодно, как вода в горном источнике, а длинные волосы, лишь слегка собранные на затылке, ниспадали на спину. В его облике, несмотря на кажущуюся небрежность, чувствовалась благородная отстраненность.

Даже Лоу Цинъюй, которая всегда считала своего брата самым лучшим на свете, не могла не волноваться. Такой выдающийся мужчина, обладающий статью небожителя, вряд ли обратит

внимание на ее брата, который был «жестким как камень» — ни груди, ни попы... Ну, хотя попа у брата, кажется, ничего... Но! У брата нет ни капли женственности или изящества, наоборот, его черты лица становились всё более мужественными и суровыми.

Подумать только: будет ли такой утонченный, прекрасный мужчина пытаться подчинить себе крепкого, мужественного парня?

Эта картина была слишком прекрасной, чтобы на нее смотреть.

Впрочем, если бы наставник захотел его подчинить, Лоу Цинкун, не раздумывая, лег бы на землю и позволил делать с собой что угодно.

Лоу Цинкун, не вслушиваясь в бессмысленный разговор, всё еще чувствовал на ладони тепло от прикосновения учителя.

Отклонив предложение вернуться в дом Чжао, Лоу Цинкун проводил дядю и сестру. Он думал о сестре: в следующий раз, когда он разберется с делами, он заберет ее с собой.

То, что семьи Лю и Лоу не отпускают людей, для нынешнего Лоу Цинкуна было проблемой, но решаемой. Эти семьи просто не хотели разрывать родственные связи. Он верил, что его отец, глава дома Лоу, у которого в заднем дворе полно наложниц и дочерей, легко найдет способ заключить новый союз.

А если отец заупрямится... он был уверен, что его сводные братья, сосланные в дальние города, будут только рады устроить отцу неприятности, чтобы заставить его согласиться.

Лоу Цинкун шел на кухню, размышляя о будущем. Может, ему стоит заняться бизнесом или сопровождением караванов? Он должен быть уверен, что сможет прокормить сестру и наставника.

Он уже распланировал жизнь после того, как доставит карту в Горную усадьбу Справедливости. Увы, вскоре он понял, что реальность далеко не так прекрасна, как мечты.

Лоу Цинкун стоял у ворот усадьбы и смотрел, как по ступеням к ним спускается Мин Мэн — или, вернее будет сказать, вторая молодая госпожа дома Лоу, жена его брата?

Он нахмурился, взгляд его стал тяжелым. Мин Мэн неспроста смогла загнать его в угол во время прошлой погони. При ней с самого детства состояла Двенадцатая стража. Эти люди, отобранные из сотен и прошедшие суровую подготовку, были преданы только ей одной — даже сам глава альянса Мин Батянь не имел права ими командовать.

Поодиночке эти стражи не представляли большой угрозы, но их сила была в слаженности и уникальных навыках каждого. Именно благодаря им Лоу Цинкун и Лао Байвэй, несмотря на

все усилия, не смогли оторваться от погони.

У главы альянса Мина была лишь одна жена, которую он глубоко любил. К несчастью, она умерла при родах. Глава альянса души не чаял в единственной дочери, оставшейся от любимой женщины, и избаловал ее до такой степени, что она стала жестокой и нетерпимой — слуг и воинов в усадьбе она могла казнить за малейшую провинность.

Все вокруг говорили, что Мин Мэн просто избалована, но Линху Фэн знал: дело в наследственности. С таким отцом дочь не могла вырасти доброй. Да и любил ли Мин Батянь ее на самом деле? Если бы любил, то позаботился бы о ее будущем, а не позволял ей прослыть жестокой и мстительной девицей. Похоже, эта девочка даже не понимала, что ее просто губят чрезмерной опекой.

Возможно, иногда Мин Батяню было неудобно действовать открыто, и он использовал руки дочери. Как сейчас.

Мин Мэн, которая всё это время была в доме Лоу, вдруг оказалась в усадьбе именно в эти дни — слишком удачное совпадение.

Линху Фэн стоял, заложив руки за спину, и смотрел вперед. Горный ветер развеивал его одежды, и прядь черных волос коснулась носа Лао Байвэй. Тот, прикрыв глаза, с упоением вдохнул аромат, мысленно прокручивая свой план и чувствуя, как на губах расцветает довольная улыбка.

Еще вчера утром Лао Байвэй ждал у ворот дома Линху Фэна и, не говоря ни слова, молча последовал за всеми в Горную усадьбу Справедливости.

Хотя усадьба находилась в пригороде Наньчэна, до нее было недалеко. Она располагалась на склоне Пика Безымянного, который вздымался в облака, не уступая горе Эмэй. Путь туда лежал по лестнице из десяти тысяч ступеней, и преодолеть его можно было только пешком. Воины в усадьбе были обучены с детства, даже слуги, занимавшиеся закупками, владели боевыми искусствами. Общая сила усадьбы была весьма внушительной.

Они ехали весь день, заботясь о Лю Шия, и добрались до подножия лишь к вечеру, а на гору поднялись только сегодня утром.

Впрочем, кого на самом деле больше жалели Лоу Цинкун и Лао Байвэй — Лю Шия или Линху Фэна — еще большой вопрос.

Напротив, в красном платье и с прической замужней женщины, стояла Мин Мэн. Ее прекрасное лицо было искажено яростью и ненавистью.

Она подошла к группе Лоу Цинкуна на расстояние десяти метров, и гнев постепенно сменился

ледяным, расчетливым злорадством. Она взмахнула рукой, и десятки людей окружили их, а Двенадцатая стража встала по бокам, ожидая приказа.

Мин Мэн окинула взглядом свою добычу, словно победительница. Когда ее глаза упали на Линху Фэна, она на мгновение замерла, но, заметив Лоу Цинкуна, снова наполнилась ненавистью.

Однако, когда ее взгляд перешел на Лао Байвэя, стоящего по другую сторону от Линху Фэна, ярость в ее глазах стала в разы сильнее, словно внутри нее проснулся дикий зверь, готовый вцепиться в горло этому человеку. Если присмотреться, в ее взгляде сквозь жестокость проступали сомнение, вопрос и крупица подавленной любви.

Это был мужчина, который когда-то первым пробудил в ней самую чистую и безумную страсть. Мужчина, который внезапно предал ее, став хладнокровным и безразличным, и в чьих глазах она теперь видела лишь отвращение и опаску. Тот, кого она когда-то любила до безумия, а теперь ненавидела до фанатизма — Лао Байвэй.

<http://bllate.org/book/21694/2237559>